

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Н. П. БУСЫГИНА

В статье обсуждаются методологические особенности психоаналитической интерпретации как исследовательской стратегии. Автор показывает, что в психоанализе реализуется особая познавательная установка, характерными чертами которой являются акцент на раскрытии смыслов и предпосылка самодостаточности переживания, что сближает психоанализ с феноменологическим и герменевтическим подходами. Особое внимание уделяется психоаналитической психобиографии и символическому характеру языка психоанализа. Обсуждается значение психоаналитической интерпретации для методологии психологии.

Ключевые слова: психоанализ, интерпретация, классические и гуманитарные методологии, переживание, смысл, психоаналитический подход в качественных исследованиях.

Безусловно, психоанализ создавался прежде всего как клиническая практика, нацеленная на терапевтическую работу с пациентом. Однако хорошо известно и то, что Фрейд неоднократно подчеркивал наличие в психоанализе не только терапевтической, но и исследовательской функции и говорил о неразрывной связи между лечением и исследованием. Перспектива научного открытия, постижения глубинных аспектов душевной жизни, которая заложена в самой аналитической работе, представлялась Фрейду одной из наиболее важных и ценных особенностей созданного им психоанализа.

В дальнейшем вопрос о научном статусе психоанализа стал предметом множества дискуссий. Мощные философские аргументы, показывающие несостоятельность (или, по крайней мере, логическую проблемность) введенных Фрейдом концептов и концептуальных схем, были выдвинуты, в частности, Ж.-П. Сартром и Л. Витгенштейном [Руткевич, 1997]. В философской методологии науки закрепилось представ-

ление о нефальсифицируемости психоаналитических теорий, т. е. о невозможности их независимой эмпирической проверки, что является для методологов науки критическим показателем невозможности признания их научного статуса [Поппер, 2004].

Вместе с тем существует немало попыток осмыслить статус психоанализа в его связи не с историей и методологией естественно-научного знания, но в связи с историей гуманитарных наук (областью Humanities) и в контексте философской традиции обоснования специфики получаемого в них знания. В частности, выдающийся немецкий философ Ю. Хабермас обвинил Фрейда в «сциентистском самонепонимании» [Habermas, 1987]. С точки зрения Хабермаса, основатель психоанализа верил, что строит знание по образцу естественных наук, а на самом деле созданный им психоанализ является одной из версий «наук о Духе», движимых не технологическим интересом предсказания и контроля над объективными процессами, но гуманитарным интересом понимания смыслов и эмансипации. Глубокое осмысление психоанализа в контексте герменевтики предложил П. Рикёр [Рикёр, 2002].

В перспективе обоснования специфики гуманитарных наук психоанализ освобождается от многих приговоров, данных ему приверженцами строгой научности. Психоанализ объявляется не столько наукой, сколько средством интерпретации. Безусловно, к интерпретации применяется требование обоснованности — в том числе, обоснованности данными, «клиническими фактами», текстом и т. п., — однако речь не идет о строгом применении по отношению к ней попперовского принципа фальсифицируемости. Ценность интерпретации — в разгадке смысла, в том числе и такого, который скрыт от самого автора. Как замечает Ю. Хабермас, психопатологические состояния есть не что иное, как род отчуждения, при котором субъект оказывается оторван от своей субъективности, переживает себя в качестве объекта, отделенного в своих симптомах от собственных же смыслов (мотивов, желаний) — и это то, что, по мысли Хабермаса, психоанализ пытается исправить [Habermas, 1987]. Психоаналитическое понимание, в этом контексте, представляет собой не процесс поиска механических причин, но способ реставрации нарушенной идентичности субъекта со своей собственной субъективностью. «Опыт рефлексии — важнейший элемент культуры просвещения — есть как раз то действие, с помощью которого субъект освобождает себя от состояния, при котором он является объектом действующих в нем же самым сил» [Ibid. P. 247—248]. И благодаря интерпретации анализант получает возможность наладить связь с потерянными или скрытыми смыслами и вновь присвоить их себе. С некоторой

долей условности можно сказать, что это каузальный процесс, что психоанализ вскрывает причины патологических симптомов, однако причины эти лежат в области воссоздания смысловой ткани, а не в области идентификации неких особых «психических фактов». Вообще следует признать, что герменевтическая версия психоанализа оказала значительное влияние на современное понимание его статуса, хотя и подверглась, в свою очередь, достаточно жесткой критике — как со стороны философов (см., к примеру, обозначение основных линий такой критики в [Руткевич, 2000]), так и со стороны самих психоаналитиков [Steiner, 1995]¹.

В психологии отношение к психоанализу тоже довольно сложное. С одной стороны, психоанализ признается в качестве одного из важнейших направлений, психоаналитические идеи преподают студентам-психологам в рамках целого ряда образовательных дисциплин (общей психологии, истории психологии, психологии личности и др.), программы подготовки специалистов в области консультативной психологии, как правило, включают в себя отдельные курсы по психоанализу. Можно сказать, что многими психологами признан целый ряд положений современной психодинамической теории — таких, как само существование бессознательных мотивационных процессов, амбивалентный характер мотивационной динамики, роль детских переживаний в

¹ Относительно критики герменевтической рефлексии психоанализа мне хотелось бы сделать краткое замечание. Психоаналитики [Кадыров, 2010; Steiner, 1995] чересчур утрируют идею «бесконечного интерпретирования», якобы приписую представителям философской герменевтики. Даже авторы, занимающиеся лишь проблемами интерпретации текста и практически не затрагивающие реальность психоаналитического сеанса, мыслят гораздо более реалистично и как раз ограничивают интерпретацию функцией ее «программируемости текстом» [Есо, 1992]. А в наиболее известной версии герменевтической интерпретации психоанализа, предложенной Ю. Хабермасом, прямо говорится о том, что обоснованность психоаналитического понимания всегда зависит от ситуации клинического сессинга: о валидности интерпретативных ходов аналитика речь может идти лишь в том случае, если «они приняты в качестве знания самим аналитиком. Поскольку эмпирическая обоснованность интерпретаций базируется не на действиях контролируемого наблюдения и последующей коммуникации в сообществе исследователей, а на продвижении процесса саморефлексии аналитика и его коммуникации с аналитиком» [Habermas, 1987, p. 261]. Психоаналитическое знание валидируется своей способностью продемонстрировать на практике действенность основанных на нем интервенций; будучи признанным самим пациентом, оно становится для него мощным источником расширения горизонтов самопонимания [Ibid. P. 266].

формировании многих личностных диспозиций, психические репрезентации «я» и «других» и отношений между ними («объектных отношений»), анализ нарциссической составляющей личности и др. [Дорфман, 2003; Соколова, Чечельницкая, 2001; Westen, 1999]. С другой стороны, однако, психоанализ остается для психологии (по крайней мере, для мэйнстрима университетской психологии) некой маргинальной областью, и психологические факультеты, даже знакомя с ним студентов, относятся к нему, скорее, лишь как к историческому явлению (см., к примеру, любопытный материал на эту тему: [Freud is widely taught..., 2007]). Более или менее серьезного анализа в психологии удостоиваются идеи психоаналитической школы «объектных отношений». Другие же версии психоанализа подчас воспринимаются как своего рода артефакты или мифы.

Описанное отношение к психоанализу в психологии во многом связано с особенностями самоопределения последней в ряду естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Нельзя сказать, что психология по сей день полностью ориентируется на методологические образцы естественных наук — все-таки у нее и своя история, и свой путь современного развития, отличный, скажем, от пути развития физики или биологии. Но можно с уверенностью утверждать, что вплоть до последнего времени психология практически не обращала внимания на гуманитарные методологии. Поэтому то в психоанализе, что оказалось ценным для многих гуманитарных дисциплин (в частности, и сам предлагаемый в психоанализе путь интерпретативного познания особого рода), в психологии не получило сколько-нибудь серьезного осмысления и развития.

Несколько лет назад на страницах журнала «Консультативная психология и психотерапия» И.М. Кадыров [Кадыров, 2010] поставил актуальный вопрос об эпистемологическом статусе ситуации психоаналитической сессии и попытался показать, что у психоаналитика есть свой фундамент «психоаналитических клинических фактов» — «субъективных», «подвижных» и «эффемерных» и, тем не менее, очень реальных, осязаемых и значимых как для внутренней «экосистемы» каждого отдельного сеанса, так и для жизни пациента за пределами психоаналитического кабинета [Там же. С. 11]. Согласно автору, такими фактами являются психологические события пациента, разыгрываемые им на «сцене» его отношений с аналитиком. Для области методологии психологии это может означать, что в психоанализе предлагается весьма специфический тип познания, фактическая сторона которого разворачивается в особом мире взаимодействия пациента и аналитика, причем полученные таким образом «клинические факты» вполне доступны ин-

терсубъективной проверке — на сеансе с пациентом и в коллегиальном контексте. Благодаря изобретению «необычных условий аналитического часа», психоанализ открывает возможность глубинного исследования внутренней организации психики [Там же. С. 29], однако эта методологическая эвристичность психоанализа, пожалуй, до сих пор в должной мере не оценена научной психологией.

Я думаю, что «за бортом» интереса методологии психологии осталось не только открытие уникальной ситуации аналитического сеанса как возможного пространства глубинного познания личности. В психоанализе реализуется особая познавательная установка, которую можно отнести к одной из форм «современного способа мысли» (в терминологии М.К. Мамардашвили). Лишь отчасти с этой установкой связано применение в психологии проективных методов, основанных, в том числе, на психоаналитических идеях [Соколова, 1980; Соколова, Чельницкая, 1997], а также некоторых оригинальных вариантов авторских клинических методов (в качестве примера можно привести метод диалогического анализа случая [Соколова, Бурлакова, 1997]). В целом же можно сказать, что методологический смысл мыслительной установки, подразумеваемой психоанализом, в психологии не прояснен и сама установка мало актуализирована.

Цель настоящей статьи — раскрыть особенности познавательной установки, реализуемой в методе психоаналитической интерпретации, и показать, какое значение она имеет для психологических исследований личности.

В предлагаемом анализе я ориентируюсь на логику обоснования психоаналитического подхода как качественной исследовательской стратегии [Froch, Young, 2008; Hinshelwood, 2010; Hollway, Jefferson, 2000; Vanheul, 2002; и др.]. В основном я обращаюсь к классической версии психоанализа З. Фрейда, использую я также некоторые работы Ж. Лакана. Вопрос отличия лакановской версии психоанализа от линии Фрейда здесь не ставится, как и не дается специального анализа идей Лакана. Однако мое прочтение работ Фрейда обусловлено той оптикой, которую предложили Ж. Лакан и последующие [я бы заменил на «следующие за ним», если это верно фактически?] французские авторы лакановского толка (Ж.-А. Миллер [Миллер, 2004; Миллер, 2011] и др.). Я полагаю, что французские авторы (кстати, не только собственно лаканисты, но и те, которых принято относить к «постструктуралистской философии» — М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристева [Фуко, 2004; Деррида, 2000; Кристева, 2010] и др., — своей речью задали некоторые условия понимания Фрейда, дали особый инструмент для изменения наше-

го аппарата понимания — изменили настройку, или «точку сборки», этого аппарата, иными словами, сделали что-то даже не с самими текстами Фрейда, но с теми, кто эти тексты читает. Фрейд, прошедший через историю его французского прочтения — это и есть современный Фрейд, в смысле «современной стилистики мышления» [Мамардашвили, 2010]².

Смысл симптома и симптоматическая интерпретация

Одно из известных и часто цитируемых положений психоанализа заключается в утверждении смысла бессмысленных, на первый взгляд, феноменов — ошибочных действий, оговорок, описок, сновидений, наконец — симптомов. Это означает, что они имеют отношение к переживанию человека, встроены в содержательную ткань его душевной организации и могут быть раскрыты лишь в этом контексте. К примеру, пациентка Фрейда одержима бессмысленной идеей, которую можно квалифицировать как бред ревности [Фрейд, 2000а, с. 12—19]. Психиатр будет озадачен тем, как именно определить суть симптома, можно ли отнести наблюдаемое к бредовой идее, навязчивой мысли, галлюцинации или иллюзии³. Фрейд же предлагает проникнуть в само содержание симптома и открывает, что бредовая идея пациентки о любви ее мужа к молодой девушке есть результат смещения, по-видимому, ее собственной непринятой, неосознаваемой и потому «мертвым грузом» лежащей в бессознательном влюбленности в молодого человека — мужа

² М.К. Мамардашвили предлагает называть «современным» (в отличие от «классического») нечто, что требует для своего понимания кардинальной перестройки структур мышления [Мамардашвили, 2010, с. 27]. Например, произведение классического искусства может быть понято посредством тех мыслительных инструментов, которыми мы уже владеем в жизни, в то время как произведение современного искусства предполагает, что для того, чтобы его понять, мы должны с собой что-то сделать, перестроить наши привычные навыки понимания [Там же]. Сегодня практически невозможно читать Фрейда, исходя из неких привычных представлений — при таком чтении возникает недоумение: где он вообще видел таких детей, которые желают свою мать, соперничают с отцом и т.п. Для того чтобы адекватно воспринять Фрейда, нужно найти подходящую позицию — «что-то сделать с собой», по выражению Мамардашвили.

³ Кстати, подобное же мыслительное действие производит и психолог, когда квалифицирует человека как экстраверта или интроверта, «лично зрелого» или «незрелого», имеющего высокий или низкий «личный потенциал» и т.п.: и в случае психиатрического диагноза, и в случае психологической оценки речь идет об определении психического/психологического статуса в рамках уже известной, условно «объективной» системы координат.

своей дочери. «Фантазия о неверности мужа была, таким образом, охлаждающим компрессом на ее жгучую рану» [Там же. С. 17] и в определенном смысле освобождала ее от внутренних самоупреков. За симптомом скрыта личностная история, особым образом формирующая симптом в качестве интенционального, смыслового образования⁴. Еще раз подчеркну, что Фрейд не занимается квалификацией типа симптома и не дает его причинного — в механическом смысле — объяснения (т. е. не сводит к некоторому традиционно понимаемому закону в виде: бредовая идея возникает при таких-то и таких-то условиях), а занимается толкованием смысла симптома, он показывает, в приведенном примере, что бредовая идея пациентки действительно осмысленна, мотивирована и связана со всей логикой ее душевного переживания. Симптом питается силой некоторого бессознательного процесса, причем таким образом, что в некотором смысле сам является чем-то желанным, своего рода утешением.

Для Фрейда симптом выделяется среди остальных образований бессознательного своим постоянством. Хотя сам Фрейд, говоря о симптомах, имеет в виду, прежде всего, их клинические варианты, по сути, его логика обсуждения симптомов такова, что статус «симптома» могут получить очень многие особенности речи, поведения, жизненных проявлений — то, что непосредственно не относится к собственно клиническим явлениям: повторяющиеся темы в творчестве, предпочтения сти-

⁴ В силу недостаточности материала Фрейд в анализе приведенного случая ограничивается констатацией переживаемой пациенткой бессознательной влюбленности, питающей собой посредством смещения бред ревности. Безусловно, можно вообразить вариант дальнейшего интерпретативного движения, как если бы пациентка Фрейда была сейчас перед нами. Например, почему эта вроде бы счастливая в браке женщина вдруг начинает переживать влюбленность и именно в мужа своей дочери? И почему облегчение достигается именно таким путем — путем проекции своего состояния на мужа? Как пациентка переживает свой возраст, свою сексуальность, что происходит в ее отношениях с мужем и каковы ее отношения с дочерью? Важно, что в любом случае за поверхностью симптома предполагается пласт еще каких-то смыслов, способных выстраиваться в подобие повествовательных сюжетов. Семиозис этот, однако, не существует сам по себе, но всегда тесно связан с процессами, имеющими отношение к «либидинальной экономике». Ж.-А. Миллер [Миллер, 2004; Миллер, 2011] справедливо замечает, что в размышлениях Фрейда о симптоме везде присутствуют две линии — линия смысла, представляющая собой развертывание цепочек означающих, и линия наслаждения (jouissance): несмотря на феноменологию страдания, симптом всегда есть не что иное, как разновидность либидинального удовлетворения.

ля и цвета в одежде, привычные позиции в коммуникации и т. п. Я имею в виду, что Фрейд предлагает особый — «симптоматический» — способ понимания того, что мы можем непосредственно наблюдать. П. Рикёр [Рикёр, 2002] говорит о различии между традиционной «герменевтикой понимания» и психоаналитической «герменевтикой подозрения», такое определение психоанализа близко размышлениям Ю. Хабермаса [Habermas, 1987] о психоанализе как об «эмансипаторной науке», а также взгляду на психоанализ как «глубинную герменевтику» [Бусыгина, 2009а; Лоренцер, 1996]. Если симптомы — как в их клиническом, так и в более широком понимании — имеют смысл, то они доступны и нуждаются в толковании, идея смысловой природы симптомов, в самом деле, сближает психоанализ с позицией герменевтики, однако, в то же время, эта смысловая природа симптомов — особого рода, что и делает ее недоступной традиционному герменевтическому прочтению, а занимающемуся ею психоанализу придает особый статус. В симптоме смысл не говорит сам за себя, поверхность, на которой смысл выражается и наблюдается, не совпадает с той, на которой происходит само действие смыслообразования. Для того чтобы понять, с чем мы имеем дело, недостаточно двигаться в пределах герменевтического круга, задаваемого структурами языкового предпонимания, всегда есть какая-то ловушка, скрытая за этой поверхностью, так что понимание смысла всегда нуждается не просто в увязывании целого и частей (хотя и в этом тоже), но и в расшифровке скрытых значений, неизвестных не только аналитику, но и самому анализанту. Мы «подозреваем» наличие «глубинного» другого (отсюда — «глубинная герменевтика» и «герменевтика подозрения»), дискурса бессознательного, который одновременно и скрывается, и приоткрывает себя в языковых и поведенческих выражениях.

Позиция «симптоматического прочтения» — это то, что психоанализ открывает методологии психологии, в особенности тех ее областей, которые связаны с развитием качественных методов. Возможный вариант ее применения по отношению к фрагменту интервью в ряду других типов качественного анализа (контент-аналитического и феноменологического методов) был предложен в другой моей работе [Бусыгина, 2009б]. Здесь же я приведу пример любопытной симптоматической интерпретации материала жизни, не относящегося к собственно клинической симптоматике. Интерпретацию приводит Ж. Лакан, заимствуя сам материал у одной из своих коллег [Лакан, 2002, с. 294—296]. В данном примере я вычленяю особенности того, как работает симптоматическая интерпретация.

Героиня рассказа Лакана — квалифицированная, высоко профессиональная женщина, к тому же прекрасная жена и хозяйка дома. Все прекрасно у нее и в плане сексуального наслаждения — прекрасно до такой степени, что этого просто не бывает. «Такая случайность настолько редка, что не может остаться незамеченной», — фиксирует Лакан, приглашая нас к тому, чтобы занять методологическую «позицию подозрения». В профессиональных ситуациях женщина нередко демонстрирует «специфические акты обольщения и самопожертвования»: например, в некоторых ситуациях она вдруг начинает умалять свои силы и знания, нарочито подчеркивая при этом свои женские приоритеты, интересы и слабости. Как психолог может относиться к описываемому Лаканом материалу? Например, можно прочитывать особенности поведения как выражение специфических личностных черт, совокупность которых создает нечто вроде «личностного профиля», или как проявление особенностей структуры личности. В феноменологическом ключе усилие понимания будет направлено на особенности переживаемого жизненного опыта женщины, проживаемого ею «жизненного мира» — в контексте ее собственного самопонимания. Лакан же предлагает само поведение женщины прочитывать как «симптом» — внешнее выражение процессов, смысл которых скрыт от нее самой. Своим поведением она как будто упреждает воображаемую мужскую агрессию, которая, в свою очередь, может быть мотивирована тем, что в своих представлениях женщина эта, будучи квалифицированным профессионалом и вполне значимым в своем деле субъектом, как бы тайком изымает у мужчин самое главное — источник и символ их могущества. Ее женственность принимает форму своеобразного маскарада: являя свое «фаллическое могущество» как профессионала, она тут же «по-женски» высказывает сомнения в своей компетентности, выражает тревогу по поводу того, что делает, прикидывается не очень знающей и т. п., она как будто тут же говорит: посмотрите, я просто женщина, и больше ничего. Своей игрой она как бы задабривает тех, у кого может отобрать превосходство. Причем игра ее не сознательна, а является частью ее «жизненного стиля» — она таким образом живет.

Следует заметить, что именно с симптоматической интерпретацией зачастую связана проблема гиперинтерпретации — нарочитых попыток интерпретаторов вычитывать тайные смыслы везде, даже в наиболее простых вещах, смысл которых очевиден. С. Фрош и П. Эмерсон [Frosh, Emerson, 2005] справедливо предупреждают об опасности гиперинтерпретации, которую несут с собой психоаналитические толкования. Однако в ситуации психоаналитической сессии аналитик ориенти-

руется на всю совокупность того, что происходит в его отношениях с пациентом, ему доступен богатый контекст реакций, эмоциональных откликов, телесных проявлений пациента и своих собственных контрпереносных переживаний, и его толкование соотносится со всем этим контекстом. Сложнее дело обстоит с интерпретацией в ситуации исследования, поскольку исследователь, как правило, лишен всего богатства обратной связи, которой располагает практикующий аналитик. И тем не менее, несмотря на то, что проблема валидности исследовательской интерпретации, ориентирующейся на симптоматическое прочтение, в самом деле, по-прежнему далека от окончательного решения, исследователю доступны стратегии валидизации, основанные на работе с данными как с целостным комплексом, когда интерпретация многократно перепроверяется посредством ее соотнесения с различными фрагментами данных и в случае ее несоответствия какому-то фрагменту в нее вносятся поправки. В целом же симптоматическая интерпретация, при условии встроенности в нее рефлексивно-критических проверок, является одним из мощных источников эвристики.

Феноменологический модус психоанализа

Довольно часто в психологии психоаналитическую интерпретацию как «объективирующее», «редуцирующее» толкование противопоставляют феноменологии как способу постижения субъективности во всей ее полноте без обращения к теоретическим моделям и схемам. Я думаю, что такая точка зрения не совсем верна. В психоанализе и феноменологии есть некоторая общая доминанта, отличающая их от классических психологических методологий. Можно предположить, что психоанализ и феноменология имеют сходную предпосылку, начинают движение из одного пункта, но потом их пути расходятся. Чтобы понять, в чем состоит характерный для них «мыслительный трюк», обрисуем, в общих чертах, привычное для научной психологии мыслительное движение, обратившись к нескольким примерам исследований, взятых из разных областей психологии.

Важной формой теоретической работы в психологии является создание объясняющих моделей. Как правило, модель не дает описания самого реального переживания, но вводит то, что должно переживаться, согласно логике модели. Возможна оценка модели по выполняемой ею прогностической функции. Примером подобного рода теоретической работы может служить объяснение психологического кризиса, которую дает модель возрастной периодизации развития Д.Б. Эльконина. Согласно данной модели, кризис является следствием накопившихся в оп-

ределенный жизненный период противоречий, главным из которых выступает рассогласование между мотивационно-потребностной («лично-стной») и операционально-технической («интеллектуальной») сферами. Модель не только обрисовывает возможные причины кризисов, но и показывает неизбежность кризисов (их нормативный характер). Обратим внимание на то, что кризис в модели дедуктивно выводится в качестве ее необходимого звена, и модель не предполагает исследования его реальной логики, как бы изнутри него самого. Вроде получив объяснение кризиса, мы, тем не менее, не получили понимания того, что мы уже объяснили. Какой-то важный фрагмент работы оказался упущен⁵.

Одно из распространенных направлений эмпирических исследований в психологии (в которых, кстати, используются и некоторые психоаналитические представления, в особенности представления «теории объектных отношений») — поиск внешних детерминант психического развития. К примеру, просматриваются связи между недостаточной сформированностью автономии личности и дисфункциональными характеристиками родительской семьи (самый простой случай — какой-нибудь дефект реального отца: его реальное отсутствие, алкоголизм, недостаток собственно отцовской функции и т. п.). Хотя в этих исследованиях речь идет не о создании целостной теоретической модели, но лишь об эмпирических поисках возможных детерминант, картина снова получается чисто внешняя: фактор, относящийся к реальному микросоциальному пространству, влияет на личностные характеристики. При этом внутренний субъективный мир снова оказывается упущен. К тому же фактор дисфункциональности реального отца мало что объясняет, потому что последствия его могут быть самыми разными. Чтобы понять эти последствия, необходимо выйти за пределы внешнего описания и попробовать ухватить смысл того, как образ отца оказывается представлен в внутреннем плане, причем не только в сфере собственно сознания исследуемого, но и в его личностной истории, как он встраивается в саму структуру переживаний и задает определенное направление «жизненному проекту» личности. Фокусируя внимание на внешних

⁵ М.К. Мамардашвили [Мамардашвили, 2010] очень точно очерчивает смысл объяснения, обращая внимание на английский термин, — *explain away*, что означает буквально «от-объяснить», «отделаться путем объяснения» [Там же. С. 318]. Речь идет не о бесполезности объяснительных моделей, а о том, что прежде объяснения должна быть еще проделана серьезная работа, в противном случае в объяснении окажется упущенной именно та реалья, которую оно и призвано объяснить.

факторах, невозможно подойти к ядру данной проблематики, для этого необходимо особым образом переориентировать взгляд.

Еще один пример распространенной эмпирической работы — исследования «психологической причинности», т. е. поиск психологических детерминант, обуславливающих определенные состояния или поведенческие паттерны (скажем, выявлена связь между депрессивными состояниями и такими личностными факторами, как перфекционизм и враждебность к людям). В исследованиях фиксируется количественная выраженность заранее описанных конструкторов (депрессивность, перфекционизм) и затем предпринимается поиск связей между ними — корреляционных или причинно-следственных, в зависимости от типа исследовательского дизайна⁶. И снова мы упираемся в некоторую невозможность — невозможность целостного взгляда на тот субъективный мир, который нас интересует. «Депрессивность» или «перфекционизм» имеют разный смысл — в зависимости от того, компонентом какого целостного субъективного пространства они являются. И чтобы их понять, необходимо реконструировать это смысловое пространство, как бы изнутри описать его. А для этого опять-таки нужен иной взгляд и иной язык.

Итак, во всех описанных мной примерах объект психологии — психический мир — как бы наблюдается извне, дедуктивно моделируется его логика, эмпирически отслеживаются объективные связи между некоторыми его характеристиками, исследуются факторы, обуславливающие его особенности, и т. п. И везде мы наталкиваемся на препятствие, приводящее, в конечном счете, к неполноте нашего видения: рисуя фрагменты объективной картины душевного мира, мы как будто что-то упускаем, как будто ходим вокруг огороженного, заколдованного пространства, не имея средств шагнуть внутрь. Живое переживание, как и живой переживающий, остаются за пределами нашего взгляда.

Я думаю, что феноменология и психоанализ по своему духу близки именно тем, что позволяют по-иному, не через объективные характерис-

⁶ Методологически не имеет значения, используются ли простые математические показатели, типа подсчета корреляций, дисперсионного анализа и т. п., или к анализу привлекаются сложные математические методы наподобие структурного моделирования, позволяющего проверять гипотезы о наличии тех или иных латентных переменных: в любом случае речь идет о выделении точечных показателей и поиске связей между ними — в более упрощенных или претендующих на формирование сложных, комплексных моделей вариантах. Направленность мыслительного движения одна и та же, отличаются лишь конкретные методические приемы.

тики подойти к душевному миру, позволяют проникнуть в эту толщу субъективности. Первый шаг, который делает Э. Гуссерль в своем феноменологическом проекте [Гуссерль, 2005], состоит в том, чтобы остановить «автоматизм понимания» — «заключить в скобки» знаемый мир. В моих примерах психологических исследований работает установка, похожая на ту, которая присуща нам в обыденной жизни. Обычно мы воспринимаем что-либо сквозь призму привычных представлений о том, что это такое, и в психологических исследованиях восприятие и понимание похожим образом опосредуются представлениями — имеющими связь с обыденной жизнью, но концептуально проработанными. Практически сразу происходит автоматическое подключение условно «высших слоев сознания» — совокупности знаний, с которыми и идет работа (понятийные определения, уточнения и т. п.). Гуссерль же предлагает затормозить это действие «высших слоев» и попытаться ухватить душевную жизнь в ее изначальной, до-знаемой данности. Феноменология предполагает длительное вглядывание и вслушивание в опыт с последующей дескриптивной реконструкцией этого опыта, как он сам себя являет.

И, на мой взгляд, Фрейд с самого начала делает то же самое — он тоже как будто «подвешивает» суждение об опыте, не торопится обозначить этот опыт, а постепенно «распаковывает» смысловую реальность симптома или психического образования. Кризисные переживания, депрессия, особенности микросоциального климата, внешние объективные связи в этой логике на какое-то время перестают быть знаемыми, вполне определенными сущностями, а оказываются представлены особым образом — в виде способного к «само-показыванию» неразложимого, синкретического, целостного внутреннего феномена. Можно сказать, что феномен в психоанализе являет себя внутри некоторой означающей цепочки. В одном из исследований Фрейда [Фрейд, 1998] феномен загадочной улыбки, которой одарены художественные образы Леонардо да Винчи, получает свой смысл в контексте интерпретации одной фантазии Леонардо, в которой коршун подлетает к нему, маленькому мальчику, и несколько раз касается хвостом его рта, а также в контексте некоторых биографических данных о художнике. Улыбка на картинах отсылает к утраченным поцелуям матери и, более того, странным образом раскрывает нам тип гомосексуальной чувственности автора (не поведение, а именно тип чувственности), при которой индивид идентифицируется со взглядом матери и ищет в объектах любви самого себя («нарциссический выбор объекта»). Что в этом мыслительном движении Фрейда близко феноменологии? Фокус на смысловой составляющей, на самой реальности внутренней жизни, которая являет себя при определенных условиях — при условии

остановки знакомого суждения об опыте и последующей попытке эксплицировать явленное. Особенности жизни, творческого почерка, фигура матери — все предстает в виде особым образом показывающего себя внутреннего смыслового пространства. Однако на этом же примере хорошо видны и отличия фрейдовской интерпретации от феноменологического исследования. В феноменологии предполагается поиск того, что дано с очевидностью, на уровне аподиктических истин. Фрейд же предпринимает интерпретацию смысла, пользуясь символическим толкованием, прибегая к культурным знаниям, верованиям и т. п. В фантазии о коршуне он обращается к легенде, распространенной во времена Леонардо, согласно которой все коршуны — женского пола и зачинают от ветра⁷. Иначе говоря, Фрейд не удерживается в феноменологической установке, ядром которой является эпохе, а выставляет перед собой некий экран, на который проецирует багаж возможных знаний — но знаний скрытых, актуализирующихся с некоторым временным запаздыванием. Ту же операцию можно отследить и в толкованиях сновидений, в особенности женских сновидений, в которых, по сути, отражается то, как представлена женская тема в культуре (и в мужской душе)⁸.

Итак, начиная движение понимания из того же пункта, что и феноменолог, как бы «подвешивая» знакомое обозначение опыта, Фрейд затем вступает на совершенно иной путь — не путь описания данности смысла сознанию, но путь расшифровки выражений смысла в сознании [Рикёр, 2002]. Я упомянула используемое Фрейдом символическое толкование, но, безусловно, не оно составляет ядро психоаналитических интерпретаций. Как уже говорилось в предыдущем параграфе, у Фрейда интеллигибельность, т. е. умопостигаемость смысла, поставляемого

⁷ Как оказалось, Фрейд ошибся с названием птицы, и вся его интерпретация строится, по сути, на ошибке перевода, однако в данном контексте факт этой ошибки нас не очень интересует.

⁸ Например, в одном из сновидений своей пациентки [Фрейд, 2000б, с. 335, 338—339, 343—344, 361—362] тема женской сексуальности, символизируемая белыми, красными и затем увядшими цветами, у Фрейда легко связывается с темой травмы, агрессии, страха. Вот это и есть экран, на который проецируется нечто, представленное в самом Фрейде. Из культурного контекста Фрейд выбирает лишь то, что оказывается близко мужскому взгляду, и женская история получает определенное смысловое наполнение, при которой срывание и увядание цветов однозначно толкуется как потеря (невинности, молодости и т. п.), в действительности же в таких образах, если учитывать общий тон сновидения, может быть заключена и другая смысловая доминанта — переживание включенности в некоторый естественный цикл, пугающий и желаемый одновременно.

сновидениями, симптомами, фантазмами, особенностями повторяющихся художественных образов, не может быть достигнута на том же уровне дискурса, что и сами эти действия смысла. Сознание отрезано от собственного смысла препятствием — барьером вытесненного. Феноменолог в процессе собственного исследования тоже сталкивается с чем-то таким, что выходит за пределы сознания, что являет собой иррефлексивную толщу опыта. Но феноменолог не идет в эту толщу. Чтобы туда пойти, нужно выйти из феноменологии и дать модель бессознательного, которая позволит доходить до смысла производимых им действий. Фрейд предлагает две известных топике психического аппарата, описывает «экономiku желания» и т. д. Вся мета-психология Фрейда вызвала в последующем жесткую критику, модели Фрейда были изменены, заменены и т. п. Для меня сейчас важно отметить, откуда начинается мыслительный ход гипостазирования моделей бессознательного, в разнице которых, по сути, и заключается основное доктринальное различие имеющихся версий психоанализа: психоаналитическая модель следует за феноменологией в ее повороте к субъективности и вращается в круге, центрированном на внутренних движениях переживания. Безусловно, гипостазирование моделей — точка принципиального расхождения психоанализа с феноменологией, модели бессознательного — это то, что не может быть выведено из феноменологического опыта, но одновременно это то, что делает возможным интерпретацию толщи иррефлексивного, перед которой феноменолог останавливается. Феноменология и психоанализ начинаются в одной и той же точке приостановки внешних суждений об опыте, но собственно психоанализ при этом начинается там, где заканчивается феноменология.

Особенности личности как «упаковка» психобиографической истории

Психоанализ открывает особый тип исследования личности, который в гуманитарной литературе часто определяют как «археологию субъекта» [Рикёр, 2002], предлагаемый психоанализом метод — это «генетическое толкование», т. е. реконструкция прошлого по оставленным психическими процессами следам [Руткевич, 1997]. В приведенном примере исследования жизни Леонардо да Винчи Фрейд фиксирует целый ряд загадочных следов: специфическую исследовательскую любознательность, характерную не только для научных, но и для художественных опытов Леонардо, скудость сексуальной жизни, особенности художественного почерка (уже упоминавшаяся улыбка Джоконды и других образов художника), наконец, еще один любопытный след — то ли сон, то ли воспоминание, то ли поздняя фантазия о коршуне. «Следы-симптомы» провоцируют на воссоздание

смыслового целого, которое Фрейд производит путем реконструкции прошлого: Фрейд обрисовывает ранние годы жизни Леонардо, проведенные им со своей родной матерью, с которой он потом, еще в детском возрасте, в силу особых обстоятельств, был разлучен. Жизнь ранних переживаний оставляет свой след таким образом, что последующая психическая жизнь оказывается фиксированной на моменте инфантильной сексуальности, связанной с фигурой матери. И загадочная улыбка на полотнах Леонардо — «археологический след» в его душе нежной улыбки матери, а возможно, и собственной улыбки, связанной с высшим и в то же время запрещенным блаженством, — в любом случае утраченная фигура матери в проведенной Фрейдом реконструкции особым образом собирает вокруг себя смысловое пространство, в свете которого становятся понятными отдельные проявления описываемой жизни и судьбы.

Прошлое, о котором идет речь у Фрейда — это не объективное реальное прошлое, т. е. не прошлое объективных фактов, доступных внешней проверке, но прошлое, внутренне переработанное, оставившее свой след в субъективности, переплавившееся в эту субъективность. Происходит интерпретация того, что, в некотором смысле, уже было проинтерпретировано — средствами, доступными детской, инфантильной организации. За фигурой матери обнаруживается, строго говоря, не реальность, а фантазм, т. е. то, что уже является своеобразной интерпретацией. То же самое можно сказать о «первичной сцене»: наблюдение первичной сцены — фантазм, «переплавленная субъективностью» реальность. «Гомосексуальная чувственность» Леонардо отсылает не к объективной реальности отношений с матерью как означающее к означаемому, а к некой археологической фигуре блаженства, «говорящему телу»⁹. За следом, оставленным психическим процессом, невозможно обнаружить чего-то условно первичного, аналогического вещи, поскольку сами первичные психические процессы, к которым, в частности, апеллирует Фрейд, по своему статусу представляют собой не «сырую» материальность, а интенциональные процессы.

Итак, в психоанализе речь идет о реконструкции особого прошлого. И сама реконструкция происходит путем использования особого сред-

⁹ Еще более рельефный пример — отсылка не к факту отнятия от груди, а к враждебной материнской груди в работах М. Кляйн. Или следующее ироничное замечание Ж. Лакана: реального отца, который в фартуке жены моет посуду, недостаточно, чтобы получить шизофрению, иными словами, этот отец еще должен быть особым образом представлен в психическом плане. Факты прошлого — отнятие от груди, особенности отцовского поведения — реконструируются в плане их внутренней представленности, как факты внутренней инфантильной жизни.

ства — приемов «сценического понимания» [Лоренцер, 1996]. В отношениях пациента и аналитика можно наблюдать «жизненные инсценировки», в терапевтической практике получившие название переноса и контрпереноса: в переносе происходит своеобразное «сценическое представление» пациента, «разыгрывающего» характерные для него паттерны отношений и поведения во взаимодействии с аналитиком, а далее следует «сценическое толкование» аналитика.

Реконструкция жизненных сцен характерна и для психоаналитической работы с биографией. «Археология субъекта» раскрывается путем реконструкции прошлого посредством воссоздания важнейших жизненных сцен, определяющих собой саму структуру субъективности. Реконструированные сцены любви и нежности матери встраиваются во внутреннее психическое пространство Леонардо, определяя, в рассказе Фрейда, особенности психического облика художника.

В одной из своих интерпретаций Ж. Лакан обрисовывает патографию Андре Жида [Лакан, 2002, с. 299—303], давая яркий пример психоаналитического «сценического понимания». Лакан упоминает о специфической гомосексуальной фиксированности желания Жида, свидетельства о которой тот оставил на страницах своих дневников, об эротическом характере осуществляемых им действий чтения и письма, о необычных отношениях с женой и том особом значении, которое придавал Жид переписке с нею. Раскрывая смысл этих особенностей (следов), Лакан реконструирует психобиографическую сцену, в свете которой ряд упомянутых характеристик жизненного мира личности обретают свой психологический смысл. 13-летний Андре Жид, испытывавший явный недостаток общения с матерью (которая, по его словам, то появлялась в его жизни, то вновь исчезала, а в периоды ее присутствия Андре чувствовал себя потерянным и дезориентированным), сталкивается с чем-то вроде соблазнения со стороны своей тети. Однажды, придя к кухне (дочери тети и своей будущей жене), он застаёт там тетю с любовником, а этажом выше — кухню в слезах, и в этот момент, по его собственному свидетельству, переживает «чувство любви, энтузиазма, скорби, преданности» и решает посвятить себя «защите этого ребенка» (кухине, его будущей жене, 15 лет). Лакан описывает сцену с точки зрения внутренней жизни переживания, оставившего свой след (жить — значит оставлять следы, по выражению В. Бенямина), раскрывает смысл ситуации соблазнения и последующего предательства, вокруг которого, в конечном счете, и оформляется ядро интересующей Лакана субъективности. Лакан показывает, как в сцене с тетей запоздало и нетипично оказывается Андре Жид в роли желанного ребенка (вспомним,

что его собственная мать нередко пропадала на годы). Ничто не могло смягчить травматичность соблазнения и предательства именно потому, что для самого соблазнения была почва — бессознательное желание быть желанным ребенком. В этой ситуации 13-летний Андре, благодаря кузине, идентифицируется с субъектом желания, влюбляется в того, кто однажды был любим тетей (нарциссическая фиксированность желания на юношах). И с другой стороны, как личность, он теперь может складываться в других отношениях — в отношениях с кузиной-женой; как человек и литератор, он может всецело пребывать только в том, что он ей сообщает (особое отношение, придаваемое переписке с женой), нежеланная женщина становится для него предметом высшей любви.

Как можно видеть, в психоанализе реконструируется смысловая структура жизненных сцен, не просто фиксируются жизненные события, но посредством событий вскрывается внутренняя история переживания. Нельзя сказать, что отслеживается причинная связь событий (сцен) и наблюдаемого психического облика. Сами события существуют в контексте определенной структуры субъективности: история как бы раскрывает смысл этой субъективности и в то же время мы получаем возможность понимать саму историю благодаря пониманию структуры субъективности.

Приемы воссоздания психобиографии посредством «раскручивания» жизненных сцен, конституирующих личность, сближают психоанализ с литературой. Однако можно полагать, что психоаналитическая психобиография дает начало особому типу «психологической герменевтики», который в методологии психологии практически не ассимилирован. Открытые психоанализом приемы «генетического толкования» посредством реконструкции жизненных сцен (и прежде всего сцен, связанных с отношениями с ранними объектами) дают психологам один из возможных путей выхода за пределы непродуктивных объяснений поведения, отношений и т. п. путем ссылки на те или иные свойства, при которых агрессивное поведение объясняется агрессивностью, демонстрируемая человеком способность длительно выносить ситуацию неопределенности — толерантностью к неопределенности и т. п. Набор черт, «профиль» или «психограмма» личности — это не то, к чему достаточно отослать, чтобы что-либо в личности понять. Фрейд открывает такое движение мысли, при котором черты, свойства личности обращаются в след истории, перестают быть данностью, но предстают в качестве «психобиографической проблемы», в которую «упакована» история. «Раскручиваемые» из отдельных особенностей личности жизненные сцены, истории «позволяют постичь как проект внутреннюю связность жизненного мира» [Лоренцер, 1996, с. 180]. М.К. Мамардашвили демонстрирует, как

идею проектов продумывает в психоаналитическом духе Ж.-П. Сартр, показывая, что свойство человека, которое психология часто принимает за конечную точку объяснения, есть не что иное, как «след прошедших событий, продукт закрепления определенной динамики» [Мамардашвили, 2010, с. 299]. Если жизненные сцены «упаковались» в некое свойство, посредством которого человек как бы «осмыслил мир и сделал его возможным для себя» (там же), то нужно «обернуть проблему: взять то, что мы застаем на поверхности, как материал, раскручивая который мы можем идти обратно к тому, что произошло» [Там же. С. 300] — к набору жизненных сцен. Для этого нужно придать свойству смысл, т. е. рассматривать его как смысловое образование — симптом чего-то другого.

Символический характер психоаналитического языка

В работе «Недовольство культурой» З. Фрейд [Фрейд, 1992] предлагает метафорическую аналогию между психическим миром и каким-нибудь древним городом наподобие Рима. Величественный город состоит из множества культурных слоев, удивительным образом уживающихся друг с другом. Более современные постройки находят себе место рядом со следами древности, архаическое принимает иной облик, включаясь в новый архитектурный ансамбль, и в то же время оно как будто продолжает жить своей жизнью, в свою очередь определяя то, что приносит с собой каждая новая эпоха. Подобным же образом продолжает существовать психический след пережитого, вовлекаясь в сложные связи с вновь переживаемым. И в таком случае понять психический мир — значит найти язык, который позволил бы аутентично описывать переживания, включая и те из них, которые происходили давно, в инфантильный период жизни, но которые оставили свой след, продолжающий существовать.

Как я попыталась показать выше, психоанализ наряду с феноменологией «заклучает в скобки» внешний мир, сосредоточиваясь на самом переживании. М.К. Мамардашвили очень точно говорит о том, что психоанализ, как и феноменология, исходит из предпосылки самодостаточности переживания [Мамардашвили, 2010, с. 298]. Есть опыт, переживание, которое сообщает нечто такое, чего нет в объективной перспективе мира. «Проблема смысла (смысла не в обыденном значении этого слова) возникает тогда, когда мы пытаемся, анализируя ощущение и переживание, анализировать его, оставаясь в его собственных рамках, или, скажем, не трансцендируя его, т. е. не выходя из переживания к некоему известному вне самого переживания миру, а оставаясь внутри этого переживания и считая, что внутри его впервые и рождается мир» (там же). Оральная сексуальность, эдипов комплекс, комплекс

кастрации — это все компоненты того метафорического языка, который позволяет схватывать живую реальность переживания, находясь как бы внутри него самого. И поскольку этот язык не описывает объективного содержания переживания, которое может быть истинным или ложным, бессмысленно ставить вопрос о верификации психоаналитических описаний при помощи внешнего критерия. «Эдипов комплекс» не может быть верифицирован просто потому, что он не может быть истинным или неистинным (как не может быть истинным или ложным, например, культурный миф), он описывает такую реальность, по отношению к которой возможен лишь вопрос о ее смысле и функции в общей организации психики (как в отношении мифа возможен лишь вопрос о его смысле и функции в организации культуры).

Маленький ребенок не знает, что такое «сексуальная сцена», не знает отношений между родителями, однако, как говорит Мамардашвили, незнание ребенка отнюдь не является пустотой, ждущей своего наполнения, его непонимание есть продуктивное непонимание, и то, что пережито — необратимо [Там же. С. 328—329]. Подобно тому, как новый Рим не замещает собой полностью Рима архаического, но различные культурные слои города продолжают сосуществовать друг с другом, новые, взрослые психические образования не приходят со временем на место инфантильных переживаний, просто замещая их собой. Нельзя сказать, что вместо инфантильного незнания сексуальности приходит его взрослое знание, — это место уже занято необратимо пережитым, и динамика детских переживаний сохраняется и за фасадом так называемой правильной взрослой жизни. Динамика прошлых переживаний такова, что она имела смысл для самого переживающего и этот смысл закрепился, «упаковался» в образованиях бессознательного, с которыми и работает Фрейд, как бы «раскручивая» их назад — к смыслу пережитых сцен. И язык психоанализа — найденный Фрейдом язык описания этих смыслов пережитого. А это значит, что его нельзя прочитывать натуралистически — как обозначение некоторых эмпирических сущностей или фактов. В психоанализе мы сталкиваемся с понятийным аппаратом, имеющим «символический характер» [Там же. С. 353]: язык психоанализа описывает не реальные события, а процессы их психической переработки и интерпретации, и в этом смысле «эдипов комплекс» — не репрезентация реального положения дел, факта, но инструмент внутренней работы переживания, «орудие интерпретации» [Там же. С. 344—348].

Если пережитое необратимо и кристаллизуется в некоторых образованиях бессознательного, то просто сказать о пережитом, вербально отреагировать его недостаточно. Его нужно заново пережить в особого ро-

да ситуации переноса. Но заново пережить не значит просто повторить, это значит переработать нечто в иной структурной динамике, чтобы расцепить образовавшиеся сцепления. Психоанализ обращается к прошлому, чтобы изменить судьбу [Кристева, 2010], чтобы распутать выкристаллизовавшиеся смыслы прошлого опыта пациента и, быть может, дать ему возможность иного будущего.

* * *

Подведу некоторые итоги. Я попыталась показать, что в психоаналитической интерпретации реализуется особая познавательная установка, наиболее характерными чертами которой являются центрированность на смыслах и допущение самодостаточности переживания, или опыта. По своей «стилистике мышления» психоанализ близок феноменологическому и герменевтическому подходам, в то же время в нем предлагаются оригинальные приемы работы со смыслами, не сводимые к движению внутри герменевтического круга. Психоаналитическая психобиография — это возможность средствами символического языка ухватить структуру и динамику глубинных слоев переживания и тем самым подойти к описанию того в психике, что является недоступным для классических объективистских методологий.

Отсутствие в статье анализа методологических проблем психоаналитической интерпретации отнюдь не является показателем того, что, с моей точки зрения, психоанализ эпистемологически безупречен. Разумеется, это не так. Однако такой анализ — отдельная задача, с учетом еще и того, что в научной литературе в адрес психоанализа уже давно накопилось немало критики и сегодня необходим взвешенный анализ еще и самой критики. Здесь же для меня было важным очертить место психоанализа в ряду гуманитарных методологий и показать, скорее, не его проблемы, но его значение для методологии психологии. Следует признать, что развитие методов и методологий в психологии в основном шло по пути развития психологического экспериментирования, наращивания арсенала стандартизованных методик и усложнения методов математической обработки. Однако в последние десятилетия психология стала очень активно включаться в целый ряд междисциплинарных проектов и направлений исследований, таких как качественные, визуальные, культурные, гендерные исследования, исследования тела и телесности и др. И именно в контексте подобных междисциплинарных проектов стал расти спрос на неклассические типы методологий, позволяющие адекватно схватывать новые, сложные, концептуально нео-

пределенные объекты. В этой связи мне видится актуальным более плотное обращение психологии не только к внешним, созданным вне ее методологиям (как это часто происходит в рамках направления качественных исследований в психологии, где активно применяются, в частности, социологические методы), но и к методологиям, которые были открыты в контексте ее собственной истории. Психоаналитическая интерпретация и психоаналитическое исследование случая, как и психоаналитическая сессия в ее не только терапевтической, но и исследовательской ипостаси — самый яркий пример такого рода методологий.

ЛИТЕРАТУРА

- Бусыгина Н.П.* Феноменологический и герменевтический подходы в качественных психологических исследованиях // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 57—65.
- Бусыгина Н.П.* Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // Московский психотерапевтический журнал (Консультативная психология и психотерапия). 2009. № 2. С. 52—76.
- Гуссерль Э.* Феноменологическая психология // Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 297—340.
- Деррида Ж.* Фрейд и сцена письма // Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Академический проект, 2000. С. 319—369.
- Дорфман Л.Я.* Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. М.: Смысл, 2003.
- Кадыров И.М.* Психоаналитический сеанс и психоаналитические клинические факты // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 4. С. 8—32.
- Кристева Ю.* Черное солнце: Депрессия и меланхолия. М.: Когито-Центр, 2010 / пер. с фр. Д. Кралечкина.
- Лакан Ж.* Образования бессознательного. Семинары: Книга V (1957/1958) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: ИТДГК «Гнозис», Издательство «Логос», 2002.
- Лоренцер А.* Археология психоанализа: Интимность и социальное страдание / пер. с нем. А. Руткевича. М.: Прогресс-Академия, 1996.
- Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2010.
- Миллер Ж.-А.* Семинар в Барселоне, посвященный лекции 3. Фрейда «Die Wege der Symptombildung» / пер. с фр. А. Черноглазова // Московский психотерапевтический журнал (Консультативная психология и психотерапия). 2004. № 3. С. 147—182.
- Миллер Ж.-А.* (2011) Читать симптом / пер. с фр. М. Страхова. [Электронный ресурс]. URL: <http://freudien.com/id-4/id-3/id.html>
- Поннер К.* Предположения и опровержения: Рост научного знания / пер. с англ. М.: АСТ, Ермак, 2004.

- Рикёр П.* Герменевтика и психоанализ // Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. Вдовиной. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. С. 142—270.
- Руткевич А.М.* Психоанализ. Истоки и первые этапы развития: Курс лекций. М.: Инфра-М, Форум, 1997.
- Руткевич А.М.* Научный статус психоанализа // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 9—14.
- Соколова Е.Т.* Прекитивные методы исследования личности. М.: Изд-во МГУ, 1980.
- Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С.* К обоснованию метода диалогического анализа случая // Вопросы психологии. 1997. № 2. С. 61—76.
- Соколова Е.Т., Чельницкая Е.П.* О метакоммуникации в процессе проективного исследования пациентов с пограничными личностными расстройствами // Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 3. С. 15—39.
- Соколова Е.Т., Чельницкая Е.П.* Психология нарциссизма. М.: УМК Психология, 2001.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции 16—35 / пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2000а.
- Фрейд З.* Леонардо да Винчи. Воспоминания детства // Фрейд З. Тотем и табу. СПб.-М.: Олимп, АСТ, 1998. С. 217—278.
- Фрейд З.* Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. С. 65—134.
- Фрейд З.* Толкование сновидений / пер. с нем. Минск: Попурри, 2000б.
- Фуко М.* (2004) Ницше, Фрейд, Маркс / пер. с фр. Е. Городецкого. [Электронный ресурс]. URL: <http://knigo.com/f/FUKO/nfm.html>
- Eco U.* 1992. Interpretation and Overinterpretation. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press.
- Freud is Widely Taught at Universities, except in the Psychology Department. The New York Times (2007. November 25). http://www.nytimes.com/2007/11/25/weekinreview/25cohen.html?_r=4&ref=education&oref&oref=slogin&
- Frosh S. and Emerson P.D.* 2005. Interpretation and Overinterpretation: Disputing the Meaning of Texts. Qualitative Research Vol. 5 (3): 307—324.
- Froch S. and Young L.S.* 2008. Psychoanalytic Approaches to Qualitative Psychology. Handbook of Qualitative Research in Psychology. Ed. by C. Willig, W. Stainton-Rogers. L.: Sage: 109—126.
- Habermas J.* 1987. Knowledge and Human Interests. Cambridge: Polity.
- Hinshelwood R.D.* 2010. Psychoanalytic Research: Is Clinical Material Any Use? Psychoanalytic Psychotherapy. 24 (4): 362—379.
- Hollway W. and Jefferson T.* 2000. Doing Qualitative Research Differently. London: Sage.
- Steiner R.* 1995. Hermeneutics or Hermes-Mess? International Journal of Psychoanalysis. 76: 435—445.
- Vanheule S.* 2002. Qualitative Research and Its Relation to Lacanian Psychoanalysis. Journal for the Psychoanalysis of Culture & Society. 7 (2): 336—342.
- Westen D.* 1999. The Scientific Status of Unconscious Processes: Is Freud Really Dead? Journal of the American Psychoanalytic Association. 49: 1—30.

PSYCHOANALYTIC INTERPRETATION AS RESEARCH METHODOLOGY

N. BOUSSYGUINA

The article is concerned with particular methodological features of psychoanalytic interpretation as psychological research strategy. The main argument is that psychoanalysis tends to special cognitive attitude based on the idea of self-sufficiency of personal experience. The similar cognitive attitude is characteristic of the phenomenological and hermeneutic approaches. The particularities of psychoanalytic psychobiography are described and the symbolic nature of psychoanalytic language is argued. The value of incorporating more psychoanalytic interpretation into scientific psychology is discussed.

Keywords: psychoanalysis, interpretation, classical and humanitarian methodologies, experience, meaning, psychoanalytic approach in qualitative research.

- Busygina N.P.* Fenomenologicheskij i germenevticheskij podhody v kachestvennyh psihologicheskikh issledovanijah // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2009. № 1. S. 57—65.
- Busygina N.P.* Fenomenologicheskoe opisanie i interpretacija: primery analiza dannyh v kachestvennyh psihologicheskikh issledovanijah // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal (Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija). 2009. № 2. S. 52—76.
- Gusserl' Je.* Fenomenologicheskaja psihologija // Gusserl' Je. Izbrannye raboty. M.: Izdatel'skij dom "Territorija budushhego", 2005. S. 297—340.
- Derrida Zh.* Frejd i scena pis'ma // Derrida Zh. Pis'mo i razlichie / per. s fr. D. Kralechkina. M.: Akademicheskij proekt, 2000. S. 319—369.
- Dorfman L.Ja.* Jempiricheskaja psihologija: istoricheskie i filosofskie predposylki. M.: Smysl, 2003.
- Kadyrov I.M.* Psihoanaliticheskij seans i psihoanaliticheskie klinicheskie fakty // Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. 2010. № 4. S. 8—32.
- Kristeva Ju.* Chernoe solnce: Depressija i melanholiya. M.: Kogito-Centr, 2010 / per. s fr. D. Kralechkina.
- Lakan Zh.* Obrazovaniya besoznatel'nogo. Seminary: Kniga V (1957/1958) / per. s fr. A. Chernoglazova. M.: ITDGG "Gnozis", Izdatel'stvo "Logos", 2002.
- Lorencer A.* Arheologija psihoanaliza: Intimnost' i social'noe stradanie / per. s nem. A. Rutkevicha. M.: Progress-Akademija, 1996.
- Mamardashvili M.K.* Ocherk sovremennoj evropejskoj filosofii. M.: Progress-Tradicija, Fond Meraba Mamardashvili, 2010.
- Miller Zh.-A.* Seminar v Barselone, posvjashhennyj lekcii Z. Frejda «Die Wege der Symptombildung» / per. s fr. A. Chernoglazova // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal (Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija). 2004. № 3. S. 147—182.
- Miller Zh.-A.* (2011) Chitat' simptom / per. s fr. M. Strahova. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://freudien.com/id-4/id-3/id.html>

- Popper K.* Predpolozhenija i oproverzhenija: Rost nauchnogo znanija / per. s angl. M.: AST, Ermak, 2004.
- Rikjor P.* Germenevtika i psihoanaliz // Rikjor P. Konflikt interpretacij. Oчерki o germenevtike / per. s fr. I. Vdovinoj. M.: KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2002. S. 142—270.
- Rutkevich A.M.* Psihoanaliz. Istoki i pervye jetapy razvitija: Kurs lekcij. M.: Infra-M, Forum, 1997.
- Rutkevich A.M.* Nauchnyj status psihoanaliza // Voprosy filosofii. 2000. № 10. S. 9—14.
- Sokolova E.T.* Prektivnye metody issledovanija lichnosti. M.: Izd-vo MGU, 1980.
- Sokolova E.T., Burlakova N.S.* K obosnovaniju metoda dialogicheskogo analiza sluchaja // Voprosy psihologii. 1997. № 2. S. 61—76.
- Sokolova E.T., Chechel'nickaja E.P.* O metakommunikacii v processe proektivnogo issledovanija pacientov s pograničnymi lichnostnymi rasstrojstvami // Moskovskij psihoterapevtičeskij žurnal. 1997. № 3. S. 15—39.
- Sokolova E.T., Chechel'nickaja E.P.* Psihologija narcissizma. M.: UMK Psihologija, 2001.
- Frejd Z.* Vvedenie v psihoanaliz. Lekcii 16—35 / per. s nem. SPb.: Aletejja, 2000a.
- Frejd Z.* Leonardo da Vinchi. Vospominanija detstva // Frejd Z. Totem i tabu. SPb.-M.: Olimp, AST, 1998. S. 217—278.
- Frejd Z.* Nedovol'stvo kul'turoj // Frejd Z. Psihoanaliz. Religijja. Kul'tura. M.: Renesans, 1992. S. 65—134.
- Frejd Z.* Tolkovanie snovidenij / per. s nem. Minsk: Popurri, 2000b.
- Fuko M.* (2004) Nische, Frejd, Marks / per. s fr. E. Gorodeckogo. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://knigo.com/f/FUKO/nfm.html>
- Eco U.* 1992. Interpretation and Overinterpretation. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press.
- Freud is Widely Taught at Universities, except in the Psychology Department. The New York Times (2007. November 25). http://www.nytimes.com/2007/11/25/weekinreview/25cohen.html?_r=4&ref=education&oref&oref=slogin&
- Frosh S. and Emerson P.D.* 2005. Interpretation and Overinterpretation: Disputing the Meaning of Texts. Qualitative Research Vol. 5 (3): 307—324.
- Froch S. and Young L.S.* 2008. Psychoanalytic Approaches to Qualitative Psychology. Handbook of Qualitative Research in Psychology. Ed. by C. Willig, W. Stainton-Rogers. L.: Sage: 109—126.
- Habermas J.* 1987. Knowledge and Human Interests. Cambridge: Polity.
- Hinshelwood R.D.* 2010. Psychoanalytic Research: Is Clinical Material Any Use? Psychoanalytic Psychotherapy. 24 (4): 362—379.
- Hollway W. and Jefferson T.* 2000. Doing Qualitative Research Differently. London: Sage.
- Steiner R.* 1995. Hermeneutics or Hermess-Mess? International Journal of Psychoanalysis. 76: 435—445.
- Vanheule S.* 2002. Qualitative Research and Its Relation to Lacanian Psychoanalysis. Journal for the Psychoanalysis of Culture & Society. 7 (2): 336—342.
- Westen D.* 1999. The Scientific Status of Unconscious Processes: Is Freud Really Dead? Journal of the American Psychoanalytic Association. 49: 1—30.